

ЭСТЕТИКА ПРОСТОРА (ПРОСТОТА, ПУСТОТА, ЧИСТОТА, ВОЛЯ)

© С. А. Лишаев

Лишаев
Сергей Александрович
доктор философских наук,
профессор
руководитель Центра
философских и эстетических
исследований
Самарская
гуманитарная академия

В статье предпринимается попытка дать аналитическое описание восприятия и переживания простора с позиций феноменологии эстетических расположений. Простор исследуется как в концептуально-языковой, так и в опытно-эстетической перспективе. Особое внимание автор статьи обращает на соотношение простора и воли, стремясь к экспликации экзистенциального и смыслового параллелизма, характерного для этих концептов.

Ключевые слова: простор, эстетическое расположение, Другое, простота, пустота, чистота, воля.

Пространство, простор, влечение. С эстетическим (в концептуальных рамках эстетики Другого¹) мы имеем дело тогда, когда нас что-то притягивает, влечет или, напротив, отталкивает, то есть когда нечто воспринимается нами как утверждающее или отвергающее человека в качестве Присутствия (Dasein).

Эстетику делает Другое. Если что-то влечет или отталкивает без видимых причин (не потому, что вредно или полезно, не на физиологических, психологических, экономических, политических и т. п. основаниях), это значит, что в предмете и — в то же самое время — в нас самих мы открываем что-то особенное, Другое по отношению к конечным, с необходимостью («законно») действующим на нашу психофизическую и социально-культурную природу

¹ Изложение общих принципов эстетики Другого (феноменологии эстетических расположений) см.: Лишаев, С. А. Эстетика Другого. Самара, 2000; Лишаев, С. А. Эстетика Другого: Эстетическое расположение и деятельность. Самара, 2003.

силам. Другое в чувстве — суть то, что ни к чему не сводимо и не из чего не выводимо, это не растворимый ни в качествах предмета восприятия, ни в способностях воспринимающего его субъекта метафизический «остаток». Эстетическое событие суть событие данности в предметном — беспредметного, в физическом — метафизического, в чувственном — сверхчувственного, то есть событие встречи с Другим в том или ином его чувственном образе. Другое *беспричинно* влечет или отталкивает, обнаруживая себя в сущем в модусах Бытия, Небытия и Ничто. Бытие влечет, ибо утверждает присутствие, Небытие и Ничто отталкивают, ибо отвергают человека в его «способности быть», присутствовать. *Событием влечения-к или отшатывания-от различены и выделены особенный предмет* (то, к чему тянет, или то, что отталкивает) *и особенное, соответствующее предмету состояние, чувство.* Одним из таких событийно конституируемых эстетических чувств и вместе с тем предметов восприятия как раз и является простор.

Слово «простор», в отличие от слова «пространство», обозначает чувственно конкретную, определенную пространственную данность («картину»), а потому **простор эмоционально нагружен и привлекателен, он суть то, что влечет** к себе. Мы любим простор и сопряженное с ним особое душевное состояние. Во всяком случае, семантика «простора» показывает, что в русской культуре и, соответственно, в языке, с простором связано представление о чем-то «очень хорошем», о том, что хочется чувствовать «снова и снова»².

Именно *эмоциональное «излучение»*, исходящее от простора, *отделяет его от «пространства вообще»*. Словом «пространство» мы пользуемся преимущественно в рамках той или иной профессиональной (философской, научно-познавательной, технической и т. п.) деятельности и редко прибегаем к нему в повседневной речи и в художественных текстах. К слову «простор», напротив, реже обращаются в рамках специальных (профессиональных) языков, но зато часто используют его в повседневной речи и в

² Интересный и содержательный анализ простора и, в частности, рассмотрение инкорпорированной в его семантику положительной аксиологии можно найти в трудах отечественных лингвистов. См.: Шмелев, А. Д. Пространственная составляющая «русской души» // Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. М., 2002. С. 347—353.

³ Об этом свидетельствуют, в частности, данные, приводимые в «Частотном словаре русского языка». Эти данные указывают на то, что «простор» чаще встречается в художественной прозе (21 раз на 1056000 словоупотреблений, пространство — 14), в то время как «пространство» — в научных, публицистических и газетно-журнальных текстах (соответственно: 53 и 13 раз). (См.: Частотный словарь русского языка. М., 1977). Когда мы произносим слово «пространство», то, скорее всего, имеем в виду философское понятие, категорию пространства (пространство вообще). Если же речь идет о чем-то интеллектуально или чувственно более определенном, то слово это всегда *требует уточнения*: не просто «пространство», а пространство Эвклида/Лобачевского, математическое пространство, космическое пространство, закрытое пространство, пространство, занятое жилым массивом и т. д. Когда мы произносим слово «простор», то всегда *«видим»* то, о чем говорим: перед нами опре-

художественной литературе, особенно в поэзии³. И если пространство на протяжении веков было предметом пристального внимания как со стороны философов, так и (в своих особых аспектах) со стороны ученых разных специальностей, то феномен простора — как феномен экзистенциально-эстетического порядка — до сих пор не привлекал к себе внимания философского сообщества.

Пока что просто зафиксируем различие двух близких концептов: «пространство» — куда более отвлеченный, рационализированный и, соответственно, «охлажденный» концепт по сравнению с чувственно-конкретным и эмоционально потенцированным «простором». Так что же он такое — простор как эстетический феномен? В чем состоит его притягательность, где и в чем источник его «эстетической силы»?

Чистое пространство простора. Пожалуй, в первом приближении, простор можно охарактеризовать как *открытое (свободное) и обширное, широкое пространство*. Это — в современном русском языке — его первое, основное значение. Второе, также весьма широко используемое в речевой практике значение — *свобода, приволье, раздолье*⁴... Таким образом, семантика простора двухполосна; первое значение отсылает к «физике» его восприятия, к тому, **что видит** человек на открытом месте, второе — к его «метафизике», к тому, **как он переживает** открытое пространство, **что** он в этот момент **чувствует**. Причем физика простора неотделима от его метафизики: оба значения слова «простор» указывают не на то, что происходит в разное время в разных обстоятельствах, а на то, что происходит одновременно и в одном месте (в-месте). Если мы говорим о расстилающемся перед нами широком, обширном пространстве, то у нас невольно возникает представление о воле, о свободе, и, наоборот, когда мы говорим «воля», «на волю», «приволье», мы тут же видим широкое, свободное пространство с плавающими в синеватой дымке — далеко-далеко, у самой линии горизонта — лесами или бескрайнее, мерцающее в отсветах солнечного света море...

Физика простора *неотделима* от его метафизики, но в то же время — она от нее *отлична*. Семантическая двойственность простора указывает на то, что в русской культуре простор рассматривается как эстетический феномен, как *чувственная данность*, с которой сопряжен *сверхчувственный* («духовный») опыт. Очевидно, что духовный смысл простора не есть смысл, придаваемый ему «извне», и что его исток коренится в самом вос-

деленное (чувственно-определенное) пространство особого типа. Сказав «простор», мы представляем себе степь, «бескрайнее поле» или морскую гладь, спокойное течение большой равнинной реки...

⁴ «Простор», -а, м. 1. Свободное, обширное пространство. <...> 2. Свобода, раздолье» (Толковый словарь С. И. Ожегова и И. Ю. Шведовой. Цит. по: Большой электронной энциклопедии Кирилла и Мефодия, 2003). Точно также толкуют это слово и другие словари. См.: Лопатина В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. М., 1994, С. 542; Комплексный словарь русского языка. М., 2001; Словарь русского языка в четырех томах. Т. 3. М., 1983. С. 527; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. И. Ушакова : в 4 т. М., 1994. С. 1011, и др.

приятию простора. Другое, особенное в просторе присутствует в нем тогда, когда он дан (переживается) не просто как «обширное пространство, открытое для обзора», а как *что-то неотразимо привлекательное*. Дать эстетический анализ простора — значит выявить соотношение чувственно-определенной, наглядной «фактуры» этого феномена с той мета-физической ее составляющей, которая обнаруживает себя через нее и в ней «во плоти», телесно.

Теперь вопрос об онтолого-эстетической конституции простора можно поставить так: с чем же сопряжено чувство радости и душевного подъема в момент, когда мы созерцаем открытое, свободное пространство, чем влечет нас простор, с чем мы здесь встречаемся?

Открытое пространство — это пространство предельно **простое**, бедное. «Односложнее» простора (по количеству информации, «считываемой» с него глазом) человеку (в среде его повседневного обитания), пожалуй, — не найти. Ведь для того, кто рожден ходить по земле, ничего проще, чем земля, расстилающаяся перед ним, — нет. Линия горизонта, «краешек земли» и никаких дополнительных «членений» земной тверди. Что может быть проще *отделенности земли (воды) от неба*? Под простором подразумевается открытое, обширное пространство, *воспринимаемое по горизонтали*. На просторе *ничто не нарушает чистоты зрительного поля*, по которому туда и суда, слева — направо, справа — налево гуляет наш не встречающий преград взгляд. Передний план открыт и линия горизонта, магический «край земли» ничем не застлан, хорошо «читаются» глазом и явлены нам в своей максимально возможной для «чувственного взора» чистоте. Не что-то где-то в чем-то обнаруживает себя на просторе, а само чистое пространство как простирание, как раскрытие света по его сторонам.

На просторе доминирует *горизонталь*, а в пределах горизонтали — *ширь* и только потом — даль. Вертикаль задействована в чувстве простора лишь косвенно, поскольку взгляд привязан к линии горизонта как к единственной определенной, а потому акцентированной для него линии, вдоль которой он (волей-неволей) перемещается. Горизонталь присутствует в нашем восприятии *всегда*, так что добавление каких-либо фигур (объемов, плоскостей, линий) как чего-то на земле стоящего (особенно на переднем или на среднем плане) означало бы уже усложнение структуры пространства по сравнению с простотой простора. Как только на ближнем плане появляется «нечто», мы сразу же начинаем оценивать то, насколько велик предмет, какова его высота и т. д. **Простор — это простое пространство или... пространство как таковое**⁵.

⁵ Срезневский указывает на пространство как на первое значение слова «простор», а *пространство* он, в свою очередь, толкует *через простор* (первое значение «пространства») и *простоту* (последнее, 8-е значение в словарной статье) (Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 2. Часть 2. М., 1989. С. 1577, 1579). Эти и другие языковые данные указывают на изначальное единство «простора» и «пространства» и их семантическую сопряженность с этимологически родственной им простотой (См.: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. Т. 3. СПб.,

Но ведь **простота**, безыскусность есть — в пределе — **пустота**, **незаполненность**⁶. Пустота простора впускает. На просторе пространство воспринимается как впускающее, то есть как дающее место, дающее *возможность* быть, присутствовать. *Впускает же то, что не занято, свободно, пусто.* Пускает, дает место ни-что, пустота. «Что-то» не впускает. Что же впускает простор? **Пустота простора впускает возможность.** Простор — это впускающее пространство, пространство как опыт, как чувство, как расположение. Простор — не «какое-то» пространство, а пространство как таковое, *возможность быть у места, возможность быть уместным.* Простор — это *пространство как эффект* впускающей вещи *простоты* (пустоты) *ни-что*.

В случае с простором как эстетическим феноменом мы имеем дело с *пространством как таковым*, то есть не с теми или иными местами и телами, не с определенными направлениями и сторонами того, «что» простирается, а с *самим простиранием*, с простиранием в его чистоте-простоте, с рас-про-стертостью земли как положительной возможностью специфически-человеческого существования «в чем-то», «где-то», «с чем-то» или «с кем-то».

Внимание толкователя простора (в интересующим нас онтолого-эстетическом контексте) не может не привлечь одно из значений слова «чистый»: *чистый* — значит *свободный, открытый, ничем не занятый* («чис-

1996. С. 380). Фасмер толкует прилагательное «простой» (др.-русс. прость) как «прямой, открытый, свободный, простой» (Там же. С. 380).

⁶ «**Пустота**», возможно, находится в еще большей (или, по крайней мере, в такой же) близости к простору и пространству, чем «простота». Очевидно, что *если мы определяем простор как открытое, свободное пространство*, то мы определяем его через «пустоту», через «пустое», «не занятое». Первые значения в толковании на простор и пространство в «Словаре народных говоров» практически идентичны. «**Простор**, м. 1. Пустое, порожнее место. *Последний простор в каретнике заняли, не поворотиться. Дай простор! Отойди, посторонись.* Даль. <...> **Пространство**, ср. 1. Пустое, ничем не занятое, свободное место. Даль. *Строят байну: передок, сенцы, а само пространство — баня*» (Словарь русских народных говоров. Вып. 32-й. СПб., 1998. С. 250—252). Заслуживает внимания приводимое в этом же словаре второе значение слова «простота»: «2. Свободное пространство, простор. *Простоты в кладовых много.* Даль. *В комнатах-то у ей простота, красота.* Арх., 1970» (Там же. С. 251).

Но, пожалуй, ярче всего единство простора, пространства и простоты-пустоты представлено у В. И. Даля, на которого так часто ссылаются авторы «Словаря народных говоров»: «**Простор** м. — простое, пустое, порожнее, ничем не занятое место, относительная (не безусловная) пустота; пространство по трем размерам своим; // досуг, свободное, праздное время; // свобода, воля, раздолье, пртвл. гнет, стесенье» (Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М., 2001. С. 856). Как видим, семантика простора в толковании Даля недвусмысленно указывает на *укорененность всех значений этого слова в ни-что: в пустоте, простоте и в воле.* Ничто — это отсутствие препятствий (не важно — в пространстве или во времени). Правда, Даль отмечает, что простор — суть относительная, не безусловная пустота. Но, как мы пытаемся показать в этой статье, когда *простор становится эстетическим расположением, барьер условности, относительности преодолевается: мы воспринимаем простор как чистое (простое, пустое) пространство* (подробнее об этом см. ниже).

тое поле», «ледокол идет чистой водой», «чистый путь»⁷. Но «чистый» — это еще и «**совершенный**», «**абсолютный**». Простое пространство, простор — это *чистое* пространство (чистое пространство как восприятие, как расположение души). **Простор** есть **чистое пространство** и в смысле его простоты-пустоты, и в смысле его *безусловной выполненности*, свершенности как внутреннего содержания восприятия ландшафта. Причем здесь для нас важно то обстоятельство, что простор как эстетическое расположение удерживает чистое пространство *не усилием мысли*, не в умозрении, а *чувственно*, в чувственном созерцании. Его чистота — не результат дискурсивной возгонки-перегонки пространственного представления в чистое философское понятие, а *непроизвольная (эстетически-событийная) очистка* конечного, чувственного созерцания *определенного* пространства в эстетическое созерцание чистого пространства (пространства в точке его начала).

Пространство (не форма, не система форм!) в его чистоте-простоте — вот предмет нашего созерцания на просторе. «Чистое пространство» может, как показывает наш эстетический опыт, не только мыслиться, не только присутствовать в качестве философской идеи, но и быть предметом эстетического опыта. Восприятие простора суть *восприятие чистого пространства, как имеющего вид (образ, форму)*. И это парадокс: мы созерцаем вполне определенное по своей структуре и «текстуре» пространство, но при этом воспринимаем его как «чистую» пространственность, как возможность простирания⁸.

О просторе как эстетическом феномене речь может идти тогда, когда «имеет место» эстетическое событие восприятия «свободного, обширного пространства» в качестве «чистого пространства», когда пространство переживается нами, актуально дано нам как **не-объятное**. И хотя с точки зрения науки и здравого смысла ни одно из *окружающих нас* пространств в принципе не может быть «не-объятным», «без-граничным», «бес-конечным», однако в силовом поле просторного расположения оно — фактически — переживается нами как необъятное и бесконечное *в момент, когда* (и «до тех пор, пока») *оно есть для нас чистая распростертость, безусловная возможность иметь место*.

Но конечное пространство, окружающее человека, может восприниматься как актуально бесконечное только в том случае, если сама актуальная бесконечность во-образится или, лучше сказать, расположится в со-

⁷ См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. И. Ушакова. Т. 1-4. М., 1935-1940. Т. 4. С. 1281—1283. О продуктивности в древнерусском языке этого значения слова «чистый» в древнерусской речи формах его присутствия в современном русском языке см.: Яковлева, Е. С. О концепте чистоты // Логический анализ языка: Языки этики. М., 2000. С. 208—209.

⁸ Впрочем, здесь мы имеем дело с общеэстетическим парадоксом *чувственной* данности *Другого*. Разве чистая красота как *абсолютное совершенство* формы, переживаемая в созерцании чувственно данного предмета, — не парадокс? И разве возвышенное как переживание *чего-то безусловно большим/мощным* (возвышенность грозы, урагана, звездного неба) — не парадокс? То же относится и к опыту чистого времени в таких расположениях как ветхое, юное и мимолетное.

зерцаемом им пространстве и, стало быть, в самом человеке как чувствительным существе (в том, кто способен чувствовать). *Переживание простора как без-мерного (не имеющего меры) свидетельствует об эстетическом преодолении барьера относительности, релятивности*, а оно, в свою очередь, *свидетельствует о том, что Другое или Иное (Ни-что) — есть, что оно эстетически открывает-ся нам*, среди прочего, и в таком расположении, как простор. Преодоление барьера относительности можно было бы также назвать событием *эстетического перехода*, которое в нашем случае знаменует преодоление относительности чувственного восприятия окружающего в режиме восприятия его «широты».

Простор как опыт чистого пространства, как чувственная данность того, *из чего* сущее «имеет место», *из чего* оно существует, может быть осмыслен и описан как **чувство возможности**: возможности быть там или здесь, двигаться туда или сюда. Уже данность человеку пространственных форм указывает (для мыслящего) на его внеположность (трансцендентность) миру тел и мест как таковых. Следовательно, *когда мы переживаем* не то или иное пространство, а *начало, из которого оно разворачивается «перед нами»*, мы имеем дело (эстетически, через чувство) **с возможностью самих себя**, с чем-то таким, благодаря *причастности чему мы в мире присутствуем*, но что обычно от нас скрыто, что не часто оказывается «предметом» восприятия.

Итак, простор влечет к себе, потому что мы обнаруживаем в нем нечто особенное, и это особенное достигает в чувстве простора той безусловности, которая свидетельствует о том, что **беспредметным предметом** нашего *чувства оказалась Другое*. В этом расположении **не мы открываем Другое, а Другое открывает-ся нам** в условном — как безусловное, в сущем — как не-сущее. Но расположенность Другого в «силовом поле» простора — это *его типологически особая эстетическая расположенность*, отличающаяся от того, каким образом Другое обнаруживает-ся в таких расположениях, как ветхое, юное, мимолетное, затерянное, прекрасное, возвышенное, ужасное, страшное, тоскливое и др. *Здесь, на просторе, Другое обнаруживает себя как простираение*, заявляет о себе в восприятии широко-открытого пространства в момент, *когда свершается эстетический переход и человек, воспринимая простор, воспринимает его как бесконечный, безграничный, чистый*. В опыте простора человек находит себя как у-местное существо, как место-имения-места.

Простор и воля. Выше мы уже говорили о том, что переживание простора может быть истолковано как *чувство возможности иного*: в нашем случае — *возможности по своему желанию занять то или другое место*. Возможность беспрепятственного перемещения связывается в нашем сознании с такими концептами, как свобода и воля. Именно их я и хочу теперь «ввести в игру». Сделать это тем более необходимо, что толковые словари определяют простор через свободу и волю (как «приволье», «раздолье» или просто как «волю», «свободу»⁹), а устная и письменная речь

⁹ Многие толковые словари XX-XXI веков интерпретируют слово «простор» через свободу и только затем — через приволье, раздолье, волю (про эту последнюю иногда и вовсе забывают). Тем не менее, многие деятели отечественной культуры и уче-

демонстрирует едва ли не синонимию простора и воли: «а там, за рекой, его ждали, он верил в это, простор и воля», «ветер на просторе гуляет вольно», «каждые выходные, устав от суеты, горожане едут, в поисках простора и воли, за город» и т. д.

Простор — это *возможность беспрепятственного движения «в любую сторону»*. Если концепт воля указывает на 1) желание и на 2) возможность/силу его осуществления, то ясно, что жить «по своей воле» оказывается тем затруднительнее, чем больше встречается ей (воле) природных и социальных препятствий в виде гор, оврагов, лесных зарослей..., улиц, других людей (воль), социальных институций... Эта добровольно и/или принудительно (волей-неволей) поставленная в определенные рамки воля оказывается (в условиях семьи, деревенской общины, города, государства) или **неволей**, или **свободой** как добро-вольно наложенным на собственное «хочу/не хочу» ограничением (первым таким ограничением было, вероятно, ограничение полового влечения, похоти). Свобода в этом смысле — это воля в культуре, воля, сама себя ограничивающая, это добро-вольное у-держивание себя «в рамках». Если желание (побуждение, влечение) по своей природе произвольно, спонтанно, то волю можно определить как **осознанное желание** (вот этого хочу!) и как опосредованную сознанием **силу-способность осуществить желаемое**.

Воля, которая, в качестве силы-способности достигать-получать желаемое (именно она лежит в основании так называемых волевых качеств личности), *дистанцирована от самого желания как душевного состояния* актом его осознания и которая может быть направлена человеком, руководствующимся теми или иными религиозными, моральными, правовыми и др. идеями (принципами), на ограничение-подавление «беззаконных желаний», *суть что-то иное, другое, чем само это предметно-ориентированное желание*. Воля как сила-способность к осуществлению желаемого, отделяемая (отделенная) от самого желания (всегда какого-то), может быть определена как ни-что, как Другое желанию, хотению, следовательно, — телу. Такую укорененную в Ничто способность Н. А. Бердяев назвал *первой или иррациональной свободой*, но мне кажется, что, мысля по-русски, здесь было бы уместнее говорить о воле (о чистой воле, о воле в ее истоке). А постольку, поскольку воля руководствуется принципом (религиозным, моральным, правовым), можно говорить о *свободе как о воле, осуществляющей контроль над желаниями (о воле-свободе)*: одни желания воля-свобода допускает и осуществляет, другие ограничивает, третьи — не допускает вовсе. Эту свободу (как свободу выбора) Бердяев назвал *второй, рациональной свободой*.

ные-гуманитарии указывали, во-первых, на необходимость отличать свободу от воли и, во-вторых, на семантическую родственность лингвоспецифичных концептов «простор» и «воля» (об этом, в частности, говорили В. Вейдле, Д. С. Лихачев, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев, А. Вежбицкая, и др.). Мы полностью солидарны с этой хорошо подтверждаемой языковой практикой позицией и считаем правильным толковать простор через волю, а не через свободу и выражаем свое согласие с той точкой зрения на соотношение простора и воли, которая была высказана А. Д. Шмелевым (См.: Шмелев, А. Д. Указ. соч. С. 343—347).

Просторность и простор, свобода и воля. У обузданной воли или, точнее, свободы имеется пространственный эквивалент — пространство улиц и площадей, пространство интерьеров жилищ и общественных зданий, производственных и конторских помещений. В той мере, в какой эти замкнутые пространства воспринимаются как **просторные**, они эквивалентны свободе. То, что воспринимается как просторное, всегда *относительно*, условно в своей открытости и обширности (эта улица широкая, а та — еще шире, эта площадь просторна, а та — еще просторнее), пространство воспринимается здесь как открывающее *большие* возможности для произвольного движения *в определенных рамках*. Просторное суть эстетический эффект *относительно свободного и обширного* пространства. Его можно понять как *пространственный аналог свободы*. Просторное дает переживание пространства как простираемого, но простираемого в определенных рамках и перспективах. В просторном расположении мы воспринимаем не пространство как таковое, а его особенную (просторную) форму. Соответственно, его восприятие как возможности движения **ограничено здесь спектром определенных траекторий** пространственного перемещения: *возможность занять другое место в ее чистоте* (простор) не становится здесь «предметом» эстетического переживания.

Когда мы имеем дело с простором как таковым, а не с более или менее просторным пространством, то *опыт чистого пространства оказывается вместе с тем и опытом чистой воли («иррациональной свободы»)*, переживаемой как **возможность и способность (сила, мочь-моцъ) само-определения**, как *возможность произвольного расположения «в» пространстве*. Воля, прочитываемая в опыте чистого пространства (простора), это не переживание возможности выбора среди нескольких имеющихся дорог-путей (витязь на распутье), а *переживание возможности отделения пути от беспутья «первым шагом»*. Куда пойду, там и дорога. Моя дорога.

Следовательно, чувственно переживаемое в опыте простора пространство как **возможность занять (любое) место есть** в то же самое время *переживание воли* не как уже определившейся и ограниченной предметом желания, а **воли** в ее **чистоте**, воли как свободы от желаний, как *возможности реализовать любое желание* (возможности сделать шаг в любом направлении). Отсутствие внешних препятствий для движения (ситуация свободного, открытого пространства), когда «не видно» никаких особенных предметов, на которых мог бы фиксироваться взгляд и которые могли бы рассматриваться как цель движения, благоприятствует эстетической актуализации переживания воли **как чистой возможности иного**.

В «просторе» актуализируется Другое, без которого нет само-ограничения, само-организации, свободы, но Другое-как-воля *не есть какой-либо порядок*. Воля — сама по себе — может быть *как волей к порядку, так и волей к нарушению порядка*. Феномен простора можно, таким образом, осмыслить в качестве эстетического события *открытия воли как основания свободы*.

Еще не реализованная (и тем самым еще не закрывшаяся, не определенная) **возможность** — **вот «что» мы чувствуем**, когда захвачены

простором, когда вовлечены в него, увлечены им. Здесь мы *чувствуем, что мы — можем мочь*, поскольку в фокусе нашего внимания оказался странный «предмет» — исток свободы, первородная воля. Любое ограничение возможности сменить место, наложенное на человека вопреки его желанию, воспринимается как ограничение воли, то есть... как неволя. Вынужденная *привязка к одному месту* (к нескольким определенным местам), перемещение по одному и тому же или по разным, но не мной избираемым маршрутам (семейная жизнь и связанные с ней обязательства, работа, дом с набором комнат, город, разделенный на улицы, на кварталы) — это тот социальный *порядок*, который человек хоть и сознает необходимым, «неизбежным», должным, но который тем не менее время от времени угнетает его так же, как угнетает стеснение дыхания, теснота, неволя. Когда человек эстетически воспринимает открытое пространство (простор), он *вырывается* — в силовом поле эстетического события — по ту сторону ограничений, накладываемых на него социокультурным порядком с эстетически соответствующим ему размежеванием жизненного пространства на улицы, площади, дома, комнаты, etc.

Таким образом, простор получает *двойное истолкование*: во-первых, *в терминах пространства* (возможность иметь/занять место) и, во-вторых, *в терминах воли* (возможность трансцендирования). И хотя второе логически включает в себя первое (возможность иметь/занять место есть лишь одна из форм экзистенциальности человеческого существования), но эстетически приоритет будет иметь истолкование в терминах пространства, поскольку опыт «чистой возможности» на уровне чувственного восприятия сопряжен с открытым и обширным пространством, с простором, с ширью и далью.